

УДК: 398.21+294.3+292

В. В. Лыгденова^{*}, О. Б. Дашинамжилов^{}**

^{}Институт археологии и этнографии СО РАН,*

^{**}Институт истории СО РАН

**Символы и мотивы религиозного синкретизма в фольклоре бурят
(на примере бурятских волшебных сказок
из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»)¹**

В статье проводится структурно-мотивный анализ бурятских волшебных сказок из серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока» (Институт филологии СО РАН, г.Новосибирск) с целью выявления в них элементов религиозного синкретизма и его специфики. Выделение синкретических мотивов, соотнесение их с шаманской и буддийской идеологиями, является сложной и, в то же время, актуальной задачей, так как данное исследование позволяет выявить основные механизмы эволюции религии. В ней показаны региональные различия в интерпретации тех или иных событий в сюжетной линии сказок, что связано со спецификой религиозного синкретизма у различных субэтнических групп бурят. В результате, делается вывод о том, что архаические и шаманские сказочные мотивы наиболее ярко отражены в сказках предбайкальских бурят, так как они позже всего подверглись влиянию буддизма. В сказках забайкальских бурят и монголов легче всего выявляются буддийские мотивы, хотя в них также прослеживается влияние шаманских и языческих верований. В целом, сказочные мотивы наиболее точно отражают эволюцию религиозного синкретизма и его специфику, что наглядно представлено в структурно-мотивном анализе сказок.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, шаманизм, буддизм, тэнгрианство, мотив, волшебная сказка, буряты, фольклор народов Сибири, этнография.

Представленная статья посвящена такому комплексному феномену в этнографии и фольклористике, как религиозный синкретизм. По этому поводу в начале XX в. известный бурятский фольклорист и ученый Ц.С. Жамцарано писал: «Изучение религиозного быта этих инородцев – одна из труднейших задач исследователя, труднее всего поддается анализу мировоззрение массы; мне до сих пор не удавалось точнее выделить элементы шаманские, ламаистские, буддийские и посторонние (христианские или божеские), не удавалось не только по отношению к массе, но даже применительно к одному

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Лыгденова Виктория Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН.

Контактная информация: пр. ак. Лаврентьева, д. 17, к. 404, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: victoria.lygdenova@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-72-93; тел. (моб.): 8-913-942-79-87.

Дашинамжилов Одон Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

Контактная информация: ул. ак. Николаева, д. 8, к. 310, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: odon@bk.ru; тел.: 8-(383)-330-72-93; тел. (моб.): 8-913-942-79-87.

лицу» [Жамцарано, 2001, с. 232]. Проблема выявления религиозного синкретизма стоит перед исследователями до сих пор. Цель статьи – выявить религиозные элементы в тексте бурятских волшебных сказок, собранных и записанных в середине прошлого века, в которых наиболее ярко выражены элементы буддизма и шаманизма. Сравнительно-исторический анализ стал для нас основополагающим в выделении таких элементов. Рассмотрены тексты бурятских волшебных сказок из серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока» [Бурятские волшебные сказки, 1993].

Впервые термин «религиозный синкретизм» был сформулирован британским ученым Дж. Брауном в трактате «Рассуждение о поэзии и музыке, их становлении, сложности и могуществе, а также их развитии, разделении и порче» (1763 г.) В XIX–XX вв. выдающуюся роль в развитии теории культурного синкретизма в фольклористике сыграли работы Я. Гримма, Ф.И. Буслаева, Е.В. Аничкова, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа. В начале XX в. данной проблемой занимались этнографы Н.М. Маторин, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, И.Г. Франк-Каменецкий, Б.А. Рыбаков, Д.Б. Банзаров, Ц.С. Жамцарано. В отечественных работах, касающихся религиозного синкретизма у бурят, необходимо выделить историко-этнографические труды А.П. Окладникова, К.М. Герасимовой, Г.Р. Галдановой, А.Б. Соктоева, Н.Л. Жуковской, Л.А. Абаевой, И.С. Урбанаевой. Религиозным синкретизмом можно назвать взаимопроникновение различных форм религии, произошедшее в ходе истории. Существует два вида религиозного синкретизма: 1. Синкретизм первобытный, характеризующийся нерасчлененностью ранних форм идеологии, в том числе различных религиозных воззрений, культов, мифологии. 2. Синкретизм, возникший в итоге взаимодействия местных политеистических культов с одной из мировых религий [Религиозные верования, 1993, с. 193]. Н.М. Маторин, например, здесь также выделяет три группы: 1) все факты переживаний более примитивных культов в более сложных; например, элементы анимизма, феминизма и магии в буддизме, христианстве и исламе; 2) факты, когда элементы более сложных культов внедряются в более примитивный культ, сохраняющий, однако, целостность своей основной концепции и характера; таково, например, воздействие буддизма и христианства на шаманизм; 3) смешение представлений и культовых действий нескольких сложных религий; взаимные скрещения христианских, мусульманских и буддийских религиозных культов [Маторин, 1934, с. 338]. В нашем случае выбран второй тип, так как в тексте анализируемых нами сказок сохраняются шаманский и тэнгрианский культы, однако буддийские элементы уже присутствуют в основных мотивах. В качестве методологии нами выбран сравнительно-исторический и типологический анализ, который известен как «мотивный» анализ текста, активно используемый фольклористами. Мотивный анализ берет свое начало в работах Я. Гримма, Ф.И. Буслаева и А.Н. Веселовского. В XX в. В.Я. Пропп стал основоположником структурно-типологического анализа художественного текста. Исследованиям мотивов в художественном тексте в настоящее время посвящена работа сотрудников секторов литературоведения и фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. В статье в качестве художественного текста взяты волшебные сказки бурят, записанные сибирскими учеными в середине XX в.

В нескольких сказках выявлен мотив обращения главного героя к бурхану (Будде) с просьбой о защите. Также в дар преподносится *хадак* (буддийская ритуальная ткань из шелка в виде шарфа) с просьбой о помощи, который принимающий кладет на плечи и шею тому, кто подает *хадак* в качестве благословения и благодарности. Такие мотивы встречаются в сказках «Хингэлдэй мэргэн» (записана в 1981 г. в Агинском районе) [Бурятские волшебные сказки, 1993, с. 31–33], «Девушка и говорящий бархатистый черный конь» (записана в 1978 г. в МНР) [Там же, с. 63] и др.

В сказке «Хингэлдэй-мэргэн» главный герой – хан Хингэлдэй игнорирует просьбу жены обратиться к бурхану за помощью, вследствие чего подвергает себя опасности быть убитым чудовищем-*мангадхаем*. Он узнает о надвигающейся беде от своего коня после того, как подает ему *хадак* с просьбой о совете. Поскольку данная сказка была записана в Забайкалье, куда буддизм проник раньше, чем в другие районы Бурятии, то влияние буддизма проявляется здесь гораздо явственнее, чем шаманское. Однако мотивы шаманской веры также присутствуют: после того, как сын главного героя узнает, что душа *мангадхая* хранится в «среднем стекле окна» (*сонхын дундаху нюдэндэ*), он его убивает и тем самым убивает чудовище [Там же, с. 37]. Согласно шаманизму, души главных существ могут находиться в предметах быта, в животных и т.д.

Мотив поиска души врага и нахождения его в животных и т.д. часто встречается в сказках. Например, в сказке «Тысхэ-Бисхэ» сын старика и старухи находит душу чудовища в рогах барана [Там же, с. 159]. В сказке «Хараасгай-мэргэн» души врагов сидят в перепелах [Там же, с. 123], а душа Шажгай-хана, тестя героя, находится в медведе [Там же, с. 133]. Это произведение во многом созвучно сказке «Хилгэндэй-мэргэн», однако шаманских мотивов в нем гораздо больше, так как оно было записано на территории Предбайкалья, куда буддизм проник только приблизительно в XIX в., и в нем

сохранилось больше архаических элементов. Стилистика и лексика указывают на то, что оно относится к жанру богатырских улигеров. Хараасгай-мэргэн, например, является сыном Эхэ Малан, верховной богини в шаманском пантеоне небесных богов. Он обладает сверхъестественными способностями: живой водой оживляет мертвых, завоевывает славу *дархана* (бур. 'кузнеца-мастера'). Главный герой совершает шаманский обряд жертвоприношения – *тайлаган* – рыбе-великанше с просьбой дать ему ключи от душ врагов. Хараасгай-мэргэн умеет заговаривать пищу, чтобы она стала целебной или, наоборот, несъедобной, и сам исцеляется, съев хлеб, посланный ему небесными родителями. Для того, чтобы указать на божественность происхождения главного героя, в зачине сказки говорится о том, что у него во дворце «тридцать три базара и три бурхана» в каждом углу, что отличается от аналогичной, более архаичной эпической формулы, где речь ведется о лавках, а не о бурханах, ср. «тридцать три базара, триста лавок» (*гушан гурбан базар, гурбан зун алаабхи*) [Бурятские волшебные сказки, 1993, с. 117, 313]. Вероятнее всего, данный фрагмент изменился в связи с вкраплением в текст буддийских элементов.

Другой буддийский мотив, который регулярно встречается в волшебных сказках – мотив Гароди-птицы. Данный образ присутствует также в сказках других народов Сибири – алтайцев, тувинцев, якутов, калмыков (калм. Перд, алт. Кереди, тув.Херети, якут. Хурдай). Название птицы – Гароди – заимствовано из буддийских мифов о Гаруди-птице – идаме, убивающем змей, символов омрачений в умах людей. Одним из наиболее трудных поручений для главного героя является поход к волшебной птице, живущей в далеких краях. Гароди находится в постоянном конфликте со змеем, поедающим ее птенцов. Огненная змея выходит из океана и в отсутствие Гароди нападает на ее птенцов. Герой убивает змея, и благодарная птица Гароди помогает ему. Данный мотив встречается в сказках «Сирота-парень, сын Хулдая, и его саврасый конь» (записана в 1957 г. в с. Ашанга Хоринского района Бур.АССР) [Там же, с. 103] и в сказке «Тысхэ-Бисхэ – сын старика и старухи» [Там же, с. 165]. В этих двух сказках сборника мотив Гароди-птицы является наиболее ярким буддийским мотивом. Остальные элементы носят шаманский характер. Например, в сказке «Сирота-парень» двадцатипятиголовое чудовище Хонгил Шара Шэбшэхэй (*шэбшэхэ* – бур. 'заклинать') использует свое чудесное свойство заклинания для того, чтобы заточить главного героя в море [Там же, с. 99]. Подобным умением обладают богатыри-сыновья светлых западных богов шаманского пантеона. Скорее всего, данное чудовище относится к иерархии черных восточных тэнгри (богов).

В сказке «Тысхэ-Бисхэ», записанной в начале XX в. Ц. Жамцарано, шаманских элементов больше:

- 1) в поисках чудовища Мангадхая герой спускается в Нижний мир;
- 2) герой обнаруживает, что душа злодея находится в баране.

Следующая сказка «Тугал Масан», записанная в 1971 г. в Агинском районе, содержит, главным образом, буддийские элементы. В ней жизнь главному герою спасает лама-созерцатель, но ценой семи человек. После этого он сокрушается в убийстве семи людей и предлагает герою искупить грехи, принеся ему бурхана, обладающего «волшебной силой». При этом по дороге назад герой не должен вымолвить ни слова. Трижды главный герой пытается принести бурхана, и трижды бурхан заговаривает его. Несмотря на безуспешность попыток, лама прощает главного героя.

Другие буддийские элементы обнаруживаются в поведении главного героя: 1) он не убивает животных, просящих его о спасении; 2) перед смертью (временной) главный герой произносит буддистское по смыслу заклинание: «Я родился на свет помогать людям. Если это так, то пусть до верхнего отверстия этой ямы вырастет сандаловое дерево с двенадцатью ветвями» [Там же, с. 97]. В сказке также на месте следов красавицы-героини вырастают лотосы – буддийские символы.

Среди шаманских элементов встречается только путешествие героя в Верхний небесный мир и то, что главный герой с целью убить Хара Лусан Хана пускает стрелу в черного быка – душу хана. Другим шаманским мотивом является женщина-оборотень, несущая воду в дырявом ведре.

Космогоническая сказка «Семь старцев», записанная в 1977 г. в с.Сорог Окинского района, рассказывает о происхождении созвездия Большой Медведицы, называемой бурятами Долоон Убгэд («семь старцев»). Буддийские элементы проявляются в том, что семь героев отправляются в паломничество на поклонение Бурхану (Будде) в Западный Джо (Тибет). Однако, защищаясь от злого хана, они убивают его людей, что их очень огорчает. Для искупления своего греха герои решают сброситься с горы в море. В результате они волшебным образом превращаются в семь звезд. Таким образом, вся сказка пронизана буддийскими мотивами.

Существует также другой, более ранний вариант происхождения большой Медведицы, записанный в 1947 г. в улусе Обуса Осинского района Усть-Ордынского автономного округа, о том, что семь старцев одного рода пожертвовали свои головы для шаманского камлания с целью освободить мир от чудовищ-мангадхаев. Во всех вариантах этого мифа семь старцев являются спасителями людей.

В сказке «Бедный Боронзой», записанной в 1978 г. в МНР, используется индийский сюжет сказки «Сын Брахмана, ставший царем». Он переосмысливается в бурятской интерпретации, и в него вводятся типичные для бурятских сказок шаманские мотивы:

1. Душа главного героя сидит в луке, которую главный герой помогает найти его соперникам. После этого другой хан прячется в рыжем баране с белым пятном на голове.

2. В сказке присутствует владыка моря, мифологический герой Луман-хан, помогающий герою добыть волшебный камень. Основная буддийская идея воздаяния добром за добро присутствует в сказке: главный герой спасает от гибели животных, которые впоследствии помогают ему добыть волшебный камень.

В целом, символы и мотивы древнеиндийской мифологии неизменно присутствуют не только в волшебных сказках, но и в эпических произведениях многих народов Сибири: якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов, что связано с общностью и религиозными влияниями на историю и культуру тюрко-монгольских народов. Е.Н. Кузьмина указывает на примере мотива птицы Гаруды на важную особенность этого процесса: древнеиндийские мифологические мотивы глубоко трансформируются в эпосе сибирских народов, но неизменной остается коллизия как основа композиции заимствованного мифа [Кузьмина, 1995, с. 55–58].

Таким образом, уже на примере нескольких сказок можно отметить наличие в них как буддийских, так и шаманских элементов. В середине XX в. буддийские письменные источники оказали глубокое влияние на бурят, живущих как в южных, прилегающих к Монголии, территориях, так и в северных и предбайкальских землях [Лыгденова, 2014, с. 366–368]. В то же время шаманские мотивы чаще всего встречаются в сказках бурят Предбайкалья и северных районов Бурятии. В этих районах сохранились оригинальные сюжеты, архаические мифологические мотивы. В сказках прослеживаются слои нескольких религиозных традиций: тотемы – герои, звери, олицетворяющие определенные тотемы, – медведь, бык, кабан и т.д.; *тэнгэри* – шаманские верования в покровителей небесных богов; буддийские мотивы – влияние буддийских письменных источников и религиозной атрибутики. Следует согласиться с замечанием Ц. Жамцарано о сложности выделения буддийских мотивов в фольклоре бурят, так как воспринятый ими буддизм также включал в себя элементы тибетской и индийской мифологии и шаманизма. Не случайно буддийский мотив с птицей Гаруди встречается у других народов Сибири и даже в Европе (антропоморфная птица Сирин), что может быть объяснено тотемным характером данного образа. То же самое касается и буддийского мотива прощения божества о помощи и передача символического дара в виде буддийского хадака тотемному животному – коню. Необходимо заметить, что тибетский буддизм, пришедший в Бурятию в XVII в., умело приспособился к народным понятиям и к шаманизму, вследствие чего у ученых возникают трудности в выявлении элементов буддизма и шаманизма в процессе фольклорных и этнографических исследований. Тем не менее такие исследования необходимы, так как позволяют наиболее объективно изучить историю религии у народов Сибири.

Список литературы

Бурятские волшебные сказки. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Жамцарано Ц. Путевые дневники: 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Кузьмина Е.Н. Трансформация древнеиндийского мифа в фольклоре тюрко-монгольских народов // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. Вып. 4. С. 55–58.

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Трансформация и развитие буддийской церкви Республики Бурятии в постсоветский период (1959–1989 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 366–368.

Маторин Н.М. К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 337–358.

Религиозные верования: свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. 240 с.

V. V. Lygdenova*, O. B. Dashinamzhilov**

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
**Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russian Federation;

*victoria.lygdenova@gmail.com, **odon@bk.ru

Symbols and motives of religious syncretism in the Buryats Folklore (on the example of Buryat fairy tales from the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”)

The paper is dedicated to the motive analysis of the Buryat fairy tales that are included into the series “Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”. The main purpose of the article is to research and to reveal the elements of the religious syncretism. Structural-typological analysis of the fiction that was developed by V.Ya. Propp is applied in the research. Religious syncretism is defined as interaction of different forms of religion that happened during different historical periods. In our case such type of syncretism that appeared as a result of interrelations between local polytheistic cults with one of the world religions – Buddhism – is chosen: though Shamanist and Tengerian cults are preserved in the analyzed texts, however, Buddhist elements have already been found in the main motives. The interdisciplinary character of the work makes it current and new: specific features of the Buryatian religious syncretism are revealed in the written texts of fairy tales and legends in the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries by structural-typological analysis of motives. The local peculiarities of the religious syncretism research make the analysis current. The paper analyzes the texts of Pre-Baykalian and Transbaykalian Buryats which are compared to reveal how a traditional religions like shamanism and Buddhism are represented there depending on the territory of their settlement. Revealing the character of the Buddhist ideology influence on Shamanist believes by motive analysis of the fairy tales is the main problem that is solved in the paper. As a result, it is concluded that in the middle of the XXth century Buddhist written resources had a great impact on the Buryats that live in the Southern regions close to Mongolia and also in the northern and Pred-Baykalsky regions of Buryatia. Original plots, archaic mythological motives have been preserved in these regions. Several layers of different religion traditions are observed in the fairy tales: totems – heroes, animals that symbolize specific totems, – bear, bull, boar, etc.; Tengeri – shamanistic believes in the sky gods' defense; Buddhist motives – Buddhist written sources and religious attributes. In general, the motives of the fairy tales represent the evolution of the religious syncretism and its specifics precisely that is illustrated by the structural motive analysis of the fairy tales.

Keywords: religious syncretism, Shamanism, Buddhism, Tengriism, motive, fairy tale, the Buryats, folklore of the peoples of Siberia, ethnography.

References

- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat Fairy Tales]*. Ed. E.V. Barannikova, S.S. Bardakhanova. Novosibirsk, 1993, 341 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*.
- Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki: 1903–1907 gg. [Travel Diaries: 1903–1907-s]*. Ulan-Ude, 2001, 382 p.
- Kuzmina Ye.N. Transformatsiya drevneindiyskogo mifa v fol'klоре tyurko- mongol'skikh narodov [Transformation of Ancient Indian Myth in Turk-Mongol peoples' folklore]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanity Sciences in Siberia]*, 1995, iss. 4, pp. 55–58.
- Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Transformatsiya i razvitiye buddiyskoy tserkvi Respubliki Buryatii v postsovet'skiy period (1959–1989 gg.) [Transformation and development of Buddhist temple of the Republic of Buryatia in post-Soviet period (1959–1989-s)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and nearest territories]*, 2014, vol. XX, pp. 366–368.
- Matorin N.M. K voprosu o metodologii izucheniya religioznogo sinkretizma [To the question about methodology of religious syncretism research]. In: *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K 50-letiyu nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti. 1882–1932 [To Sergey Fyodorovich Oldenburgh. To the 50th Anniversary of social scientific work. 1882–1932]*. Leningrad, 1934, pp. 337–358.
- Religioznye verovaniya: svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov [Religious Believes: Corpus of Ethnographic Notions and Terms]*. Moscow, 1993, iss. 5, 240 p.